

Дневникъ Гордона во время его пребыванія въ Россіи ¹⁾.

Перваго февраля я немного оправился отъ сильнаго флюса и опухоли на глазахъ, зубахъ, шеѣ и плечахъ, которыми хворалъ съ 20 января и притомъ настолько, что могъ быть, хотя и не безъ затрудненій, на крестинахъ у думнаго дворянина Родіона Михайловича Павлова.

2 числа узнали, что польскіе казаки ропщутъ на неплатежъ имъ жалованья и грозятъ возвратиться за Днѣпръ, въ свои жилища и что по этому поводу были посланы ими уполномоченные къ королю польскому. Въ тотъ же день доставлены пять царскихъ писемъ, относящіяся до различныхъ предметовъ.

3 числа вмѣстѣ съ многими другими я былъ на празднествѣ у боярина.

5 числа писалъ полковникамъ Гамильтону и фонъ-Менгдену, а также Джемсу Линдсею, которому напоминалъ о своей просьбѣ (объ увольненіи изъ страны). Писалъ полковнику Ронаэру съ г. Лемакомъ.

6 числа прибылъ дворянинъ по имени Александръ Якубовскій, живущій въ Неродицѣ (Народищѣ), въ 24 миляхъ отъ Кіева, съ четырьмя возами меда, который онъ хотѣлъ продать въ Кіевѣ. Онъ сообщилъ, что во время его пребыванія въ Уфдимірѣ, гетманъ Гогола или Могила увѣдомилъ тамошняго полковника, что турки и татары, вмѣстѣ съ поставленнымъ татарами казацкимъ атаманомъ Сулимкою подошли съ пушками къ Немирову, съ намѣреніемъ овладѣть этимъ мѣстомъ и что поэтому упомянутый полковникъ долженъ спѣшить на помощь городу.

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1916 г.

Полякъ, по имени Стенька Прохоровъ, былъ найденъ кузнецомъ Абрамомъ, при чемъ оказалось, что онъ прибылъ изъ Бѣлой Церкви, съ намѣреніемъ уговорить казаковъ перейти на сторону поляковъ и служить королю польскому. Схваченный, онъ при допросѣ показалъ, что служилъ солдатомъ въ Бѣлой Церкви и 2 февраля, вмѣстѣ съ двумя другими, бѣжалъ черезъ валь. Другіе двое, Гришка и Ѳедька, направились къ Переяславлю съ намѣреніемъ украсть лошадей и съ ними поступить въ королевскую армію; это уже они ранѣе продѣлали съ бѣжавшимъ слугою околыничаго князя Ивана Степановича Хотяевскаго. Онъ еще добавилъ, что, за день передъ тѣмъ какъ они ушли, два казака на лыжахъ прибыли отъ гетмана Могилы и сообщили, что сынъ хана крымскаго съ 6.000 татарами, 1.000 янычарами и Сулимкою, при которомъ тысяча казаковъ, а также 16 орудіями подошли къ Немирову, который обыватели города немедленно имъ сдали; что Могила съ большимъ трудомъ укрылся въ замокъ и что его осаждаетъ тамъ незначительный отрядъ войска; что въ тотъ же день они штурмовали замокъ съ полудни до ночи, но не могли овладѣть имъ и, размѣстившись по квартирамъ въ городѣ у обывателей, рѣшили принудить замокъ къ сдачѣ. Поэтому Могила отправилъ этихъ двухъ казаковъ повѣстить объ этомъ вездѣ польскимъ войскамъ и просить ихъ спѣшить къ нему на помощь. Король Великой Британіи, Карлъ II скончался въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня.

7 числа вышеизложенныя извѣстія были сообщены по почтѣ въ Москву.

8 числа возвратились изъ Москвы кіевскіе просители и доставили полугодное жалованье мнѣ, офицерамъ и солдатамъ, а также стрѣльцамъ Кіевскаго гарнизона, всего 3.468 р. серебряною и 800 р. мѣдною монетою и вмѣстѣ съ тѣмъ доставили приказаніе выдать каждому солдату и стрѣльцу по одному рублю на покупку бараньяго тулуна и уплатить 30 р. за провозъ муки, которая будетъ прислана изъ Брянска, точно также какъ была доставлена для Московскихъ стрѣльцовъ.

Я получилъ письмо отъ голландскаго резидента съ разными комплименами и всякими иностранными новостями, а также и отъ графа Грехама, который сообщилъ, что былъ командированъ въ Бѣлгородъ на мѣсто генерала Блица. Другія лица писали мнѣ, что ничего не рѣшено относительно моего отпуска. Изъ письма г. Гуаскони я узналъ, что онъ получилъ отъ капитана Кристи, за мой счетъ, сто рублей и долженъ,

черезъ 10 дней, получить и отъ г. Гассениуса — остальные 61 руб. и что онъ надѣется вскорѣ переслать деньги, согласно моему приказанію г. Натаніэлю Кэмбриджу, купцу въ Гамбургѣ, чтобы онъ уплатилъ кому слѣдуетъ спеціасъ-талерами. Кромѣ того, получилъ письмо отъ патера Шмидта, сообщавшее, что г. Курцъ, шталмейстеръ бывшаго римско-католическаго посла, вскорѣ прибудетъ въ Москву съ письмами къ царямъ отъ Римскаго императора.

Я и другія лица обѣдали у Ивана Озерова, и вечеромъ у меня ужинали бояринъ съ супругою.

9 числа я передалъ имянной списокъ солдатъ и стрѣльцовъ для отпуска по немъ денегъ на покупку бараньихъ тулуповъ; въ немъ было показано 138 солдатъ и унтеръ-офицеровъ и 276 стрѣльцовъ и прочихъ, всего 414 человекъ.

10 числа пришелъ архимандритъ Савинскаго монастыря въ Москвѣ паломникомъ въ Кіевъ и обѣдалъ у боярина, при чемъ, кромѣ меня и товарищей, никого болѣе не было.

Гетманъ прислалъ приказаніе Кіевскому полковнику, чтобы въ Польшу отнюдь не пропускали водку, табаку или какихъ-либо съѣстныхъ и жизненныхъ припасовъ.

11 числа я передалъ списокъ офицеровъ для полученія по немъ жалованья.

12 числа прибылъ казакъ, бывший въ *Димирь* у полковника Семена Корсунца, и сказалъ, что во время обѣда прибылъ еще другой казакъ отъ коменданта Бѣлой Церкви съ извѣстіемъ, что турки, татары и измѣнившіе казаки приступили къ Немирову и осадили тамъ гетмана Андрея Могилу; что онъ долженъ послать туда немедленно на помощь войско и сообщить объ этомъ польскимъ войскамъ, находящимся въ этой же мѣстности, дабы они слѣшили на помощь Немирову; что тотъ же полковникъ Семень Корсунецъ узналъ, что полковникъ Лосницкій съ 18 хоругвями двинулся уже, чтобы принудить враговъ покинуть осаду Немирова и что татары заперли послѣдняго съ его людьми въ Богуславовскомъ; полковникъ Палей, двинувшійся туда же съ 800 человекъ, осажденъ равнымъ образомъ въ Мусиговѣ; что полковникъ Апостоль, прибывъ въ Черногородку и услыхавъ о дѣйствіяхъ татаръ, отступилъ къ Чернобылю; что польскія войска стягиваются у Любара, чтобы затѣмъ освободить Немировъ; что полковникъ Семень Корсунецъ писалъ коменданту, что онъ самъ не пойдетъ въ Немировъ и не пошлетъ туда и помощи, но рѣшится скорѣе оставить *Димирь*, переправиться черезъ *Днѣпръ* и идти слу-

жить царю; что казакъ съ деньгами прибылъ отъ короля польскаго, чтобы набрать роту пѣшихъ казаковъ и одну роту конныхъ. Всѣ эти извѣстія въ тотъ же вечеръ были сообщены, по почтѣ, въ Москву.

Пришло приказаніе набрать 23 солдатскихъ дѣтей, 17 стрѣльцовъ и еще трехъ солдатъ, такъ что теперь будетъ солдатъ 162, стрѣльцовъ и унтеръ-офицеровъ 295 и всего 457 человекъ.

14 числа я получилъ изъ Москвы отъ г. Виніуса письма отъ 30 января и при этомъ печатныя газеты.

15 числа всѣ старшіе офицеры обѣдали у окольногочаго, который праздновалъ день именинъ своего сына.

18 числа пришли казаки изъ Ямполья и Острога, сообщившіе, что они слышали въ этихъ мѣстахъ, а также отъ купцовъ, прибывшихъ изъ Немирова и отъ сторонниковъ Могилы и Сулимки, что тамъ собрались около 2.000 татаръ, турокъ и казаковъ, но не проявляютъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Могилы и его партіи, а состоятъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ настолько, что вмѣстѣ ѣдятъ и пьютъ; что польскія войска стягиваются у Любара и кажется для того, чтобы освободить Немировъ, но, повидимому, скорѣе намѣреваются переправиться черезъ Днѣпръ и идти въ Переяславль и оттуда на Кіевъ, потому что, по ихъ словамъ, русскіе нарушили миръ, захвативъ три города, принадлежавшіе полякамъ. Последнее совершенно ложно и потому не повѣрили рассказу о предстоящемъ нападеніи поляковъ на Россію, тѣмъ болѣе, что они же говорили, что слышали, какъ читали вслухъ письмо къ коменданту г. Заслава, которымъ каждый предостерегался быть насторожѣ, въ виду возможнаго, нападенія татаръ. Тѣмъ не менѣе съ этими извѣстіями былъ отправленъ курьеръ въ Москву.

Въ складѣ находилось всякаго желѣза 332 п. 14 фунтовъ.

Узнавъ, что показались 50 казаковъ, принадлежащихъ къ войску полковника Апостола, бояринъ послалъ сдѣлать замѣчаніе настоятелю Межигорскаго монастыря за то, что онъ не увѣдомилъ объ ихъ приближеніи. Настоятель отрицалъ появленіе подобныхъ казаковъ вообще.

19 числа пришли жители Переяславля съ подтвержденіемъ прежнихъ извѣстій изъ Острога и Тарнополя (Ямполья?).

Я сдѣлалъ представленіе, которое надлежало послать въ Москву; въ немъ я испрашивалъ разрѣшеніе на покупку балоковъ и бревенъ для исправленія домовъ солдатскихъ и крѣпостныхъ укрѣпленій въ городѣ.

Было получено извѣщеніе, что стольникъ изъ Москвы ѣдетъ въ Кіевъ.

20 числа бояринъ и думный дворянинъ имѣли между собою объясненіе.

22 числа я и всѣ главнѣйшіе офицеры были у боярина на угощеніи, при чемъ между бояриномъ и думнымъ дворяниномъ были восстановлены мирныя отношенія.

Прибыль стольникъ, съ которымъ я получилъ отъ полковника Менгдена письмо, сообщавшее, что думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ сказалъ ему, что разъ навсегда рѣшено меня, Гордона, изъ Кіева не выпускать по причинамъ, которыя онъ не отваживается изложить и что мнѣ надлежитъ о всѣхъ моихъ обстоятельствахъ подать прошеніе.

21 числа стольникъ Потапъ Филимоновичъ Шеншинъ прибыль въ приказъ, спросилъ сперва Именемъ Ихъ Величествъ боярина и товарищей объ ихъ здоровьи, на что они съ поклонами благодарили; потомъ онъ продолжалъ говорить, что Ихъ Величества хвалятъ ихъ службу,—на что опять сдѣланы были поклоны. Послѣ этого стольникъ обратился къ мнѣ, полковникамъ, подполковникамъ и прочимъ офицерамъ и спросилъ также Именемъ Ихъ Величествъ о здоровьи и благодарилъ за службу, за что мы всѣ также два раза благодарили и дѣлали поклоны. Наконецъ, стольникъ обратился къ нижнимъ чинамъ и предложилъ имъ тѣ же вопросы, на которые они въ свою очередь кланялись и благодарили. Всѣ офицеры обѣдали въ этотъ день у боярина. Послѣ обѣда пили здравіе Ихъ Величествъ изъ большого бокала, вмѣщавшаго въ себѣ цѣлую шотландскую пинту. Затѣмъ стольнику были сдѣланы подарки, именно бояринъ подарилъ лошадь цѣною рублей въ 20, амалейку въ 2 руб., окольнічій кусокъ тонкаго дамаста и *амалейку*; думный дворянинъ Павловъ—пару пистолетовъ, одинъ изъ дьяковъ—пару дорожныхъ пистолетъ (въ мѣшкѣ) съ кобурами.

24 числа бояринъ со всѣми офицерами направился въ Печерскій монастырь, гдѣ совершалось поминовеніе усопшаго архимандрита Иннокентія Гизеля.

Вечеромъ прибыль ко мнѣ стольникъ и проводилъ время за стаканомъ вина. Отъ него я узналъ, что татары не захотѣли принять ежегодно платимыя имъ деньги, посланныя къ мѣсту размѣна плѣнныхъ, но требовали, чтобы деньги, по прежнимъ примѣрамъ, были бы доставлены въ Крымъ, заявивъ, что въ

такомъ случаѣ освободятъ изъ плѣна, за деньги, дьяка Ивана Ипполитова и другихъ плѣнныхъ, а также и плѣнныхъ татаръ.

25 числа читалось большое Царское письмо, въ которомъ выражалась благодарность боярину и его товарищамъ за исправленіе городского вала. Я писалъ въ Москву и отвѣчалъ также на письма: полковнику Менгдену отъ 3 февраля; г. Виніусу, сообщая ему различныя новости; полковнику Гамильтону— сообщая ему мои мнѣнія, и полковнику Ронаэру, сообщая всякія ежедневныя новости и разные комплименты.

26 числа послѣ обѣда я съ другими лицами былъ въ Выдубецкомъ монастырѣ.

27 числа прибылъ обыватель Полоннаго съ извѣщеніемъ, что турки и татары, услыхавъ о сборѣ поляковъ на выручку Немирова, сожгли самый городъ, увели въ плѣнъ всѣхъ его обывателей съ женами и дѣтьми и сами удалились не извѣстно куда.

28 числа было получено извѣстіе, что польскіе казаки запаслись съѣстными припасами и изготовились къ выступленію послѣ дня Св. Георгія.

1 марта, послѣдній день русской масленицы; меня посѣтили всѣ и даже бояринъ; мы всѣ по очереди посѣщали другъ друга.

4 числа стрѣлецъ по имени Вавила поручилъ написать письмо окольному князю Якову Шаховскому, въ которомъ содержались разныя несоотвѣтственныя свѣдѣнія. Писецъ принесъ письмо полковнику Озерову, который отправилъ стрѣльца въ приказъ съ письмомъ и съ донесеніемъ отъ себя. При допросѣ въ приказѣ стрѣлецъ показалъ, что во время его пребыванія въ Острогѣ одинъ казакъ, по имени Наумъ Кожемяковъ, сказалъ ему, если ты когда-либо захочешь быть богатымъ, то долженъ перейти къ намъ; мы къ тому имѣемъ случай. Мы рѣшили въ скоромъ (времени погубить гетмана за взимаемыя имъ аренды, пошлины и другія притѣсенія. Мы послали также и къ донскимъ казакамъ предложеніе, чтобы они къ намъ присоединились, но они потребовали отъ насъ письменнаго обязательства.—Относительно письма своего къ окольному онъ объяснилъ, что нѣкогда сообщилъ ему тайну объ убійствѣ одного дворянина и былъ за это награжденъ, и теперь онъ намѣревается попасть въ Москву, благодаря этому письму и самъ сдѣлать извѣстнымъ свою заслугу.

Фендрихъ моего полка былъ отправленъ съ этимъ донесеніемъ въ Москву. Я съ нимъ писалъ думному дьяку Емельяну

Игнатъевичу Украинцеву, Ивану Бирину, голландскому резиденту, полковнику Менгдену, г. Виніусу, г. Гуаскони и патеру Шмидту.

5 числа я получилъ письмо изъ Москвы отъ полковниковъ Гамильтона и Менгдена, г. Боетенанта и отъ моего слуги Якова, съ извѣщеніемъ, что совершенно отказано отпустить меня далеко изъ Кіева, а тѣмъ болѣе изъ всей страны. Я писалъ поэтому брату моему и гг. Меверелль, Кэмбриджу и Гуаскони, сообщивъ имъ объ этомъ, а также и о другихъ предметахъ. Кромѣ того, я писалъ гг. Боетенанту, Гартману, Спарвенфельду, подъ адресомъ полковника фонъ-Менгдена. Я получилъ еще письмо отъ генералъ-маіора графа фонъ-Грехамъ, на которое не могъ отвѣтить, потому что фонъ-Грехамъ былъ командированъ въ Бѣлгородъ. Эти письма я отпослалъ съ пушкаремъ Архипомъ Макаровымъ. Съ Иваномъ Поздѣвымъ я писалъ въ Сѣвскъ Леонтію Романовичу Неплюеву и его тестю.

7 числа отъ купцовъ изъ Лубенъ, находившихся въ Немировѣ во время осады, въ самомъ замкѣ, узнали мы о всемъ тамъ происходившемъ, именно слѣдующее. Горожане и обыватели Немирова были очень недовольны разными притѣсненіями и своевольствомъ казаковъ Могилы и въ тайнѣ послали просить татарскаго гетмана (кошеваго атамана) Сулимку явиться съ войскомъ къ Немирову, обѣщая ему отдать въ его руки весь большой городъ. Вслѣдствіе этого Сулимка, съ нѣсколькими тысячами татаръ и многими турками, подошелъ къ городу и, благодаря измѣнѣ гражданъ, овладѣлъ большимъ городомъ. Могила же со своими казаками и нѣкоторыми обывателями, незнавшими вовсе о подобной измѣнѣ, укрылся съ большимъ трудомъ въ замкѣ. Турки стали обстрѣливать замокъ изъ трехъ пушекъ, которыя они привезли съ собою или нашли въ городѣ, и въ теченіе трехъ недѣль штурмовали его три раза, при чемъ они гнали обывателей впереди себя и объявили, что если они овладѣютъ замкомъ, то поступятъ съ ними милостиво; въ противномъ же случаѣ они не должны ожидать милости и пощады. Несмотря на сильныя и храбрыя нападенія, они, тѣмъ не менѣе, были три раза отбиты казаками Могилы, съ большими потерями. Въ самую первую ночь изъ числа обывателей, укрѣпившихся съ Могилою въ замкѣ, бѣжали 300 человекъ. Могила поэтому заставилъ остальныхъ всѣхъ дать клятву, что они не уйдутъ, и приказалъ строже за ними смотрѣть. Черезъ три недѣли осаждающіе отошли отъ Неми-

рова, быть можетъ за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ или узнавъ, что на выручку города собираются прибыть поляки; при этомъ они зажгли городъ и увели въ плѣнъ всѣхъ его обывателей.

8 числа прибылъ окольникій князь Василій Ѳедоровичъ Широкой-Засѣкинъ со своею супругою, а другой окольникій Иванъ Степановичъ Хотяевскій, а также думный дворянинъ Ѳедоръ Андреевичъ Сиговъ уѣхали. Думный дворянинъ первый переправился черезъ Днѣпръ и затѣмъ князь провожалъ его до Троицына. Пробывъ тутъ около часа за выпивкою, провожатые вернулись вечеромъ въ Кіевъ. Другой окольникій, которому, къ его великому огорченію, никто не поѣхалъ навстрѣчу, прибылъ вскорѣ послѣ этого и привѣтствовалъ боярина въ его домѣ.

Филаретъ изъ Печерскаго монастыря прибылъ изъ Москвы.

10 числа новый сотникъ Игнатій Григорьевичъ производилъ ученіе Кіевскимъ войскамъ, состоявшимъ изъ 80 рейтеръ и 200 человекъ пѣхоты.

Джемсъ Линдсей возвратился изъ Москвы и доставилъ мнѣ письма отъ лорда Грехама, голландскаго резидента, полковниковъ фонъ-Менгдена и Девица, отъ гг. Гартмана, Кока, Гуаскони и Ивана Бирина, а также князя Никиты Семеновича Урусова, Леонтія Романовича Неплюева и его тестя изъ Сѣвска. Въ то же время я получилъ письмо отъ подполковника Гамильтона изъ Единбурга отъ 28 апрѣля 1684 года.

11 числа я писалъ князю Никитѣ Семеновичу Урусову и послалъ ему съ людьми окольникаго Василя Ѳедоровича пробочникъ.

12 числа, послѣ того какъ супруга боярина 9 дней хворала женскою болѣзнію, она получила облегченіе отъ частаго употребленія теплыхъ ваннъ съ травами. Прибылъ Мазепа отъ гетмана, чтобы освѣдомиться о болѣзни его дочери.

13 числа. Въ Москвѣ въ тайномъ совѣщаніи было рѣшено, что ежегодно уплачиваемыя татарамъ деньги (или гонорарій) будутъ выдаваться имъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ производиться размѣнъ плѣнныхъ; что никакого резидента изъ Крыма не будетъ находиться въ Москвѣ и таковой не будетъ также посланъ изъ Москвы въ Крымъ, по тѣмъ причинамъ, чтобы ни одна изъ сторонъ не могла понести впередъ какія-либо оскорбленія, или скорѣе ради того, чтобы избавиться въ Москвѣ отъ присутствія подобныхъ шпионовъ. Все это было не согласно съ мирными условіями, а потому татары

были недовольны этимъ; они и не приняли въ Переволочнѣ ежегодно платимыхъ имъ денегъ и намѣревались обо всемъ этомъ принести жалобы въ Москвѣ.

14 числа я со всѣми главными офицерами присутствовалъ на празднествѣ у боярина, гдѣ очень много пили. Послѣ этого общество сдѣлало много посѣщеній. Бояринъ и Мазепа ужинали у меня въ этотъ вечеръ.

15 числа я былъ на обѣдѣ у окольного. Бояринъ пришелъ послѣ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ поѣхали въ поле.

16 числа бояринъ внезапно заболѣлъ.

17 числа стали дѣлать плоты на льду и ставили разныя лодки.

18 числа съ супругою боярина сдѣлался такой сильный припадокъ, что она упала на землю и долгое время лежала безъ чувствъ. Произошло это, быть можетъ, отъ испуга при извѣстїи, что ея мужъ очень боленъ, а быть можетъ и по другой причинѣ. Немного очнувшись, она пришла въ какой-то страхъ при мысли, что мужъ ея отчаянно боленъ, и съ нею сдѣлались снова припадки, лишившіе ее въ четверть часа разсудка. Въ этомъ состояніи она, при страшныхъ припадкахъ, пребывала до слѣдующаго дня, именно до того часа, въ которомъ съ нею приключился наканунѣ первый припадокъ. Тѣмъ временемъ пришелъ настоятель монастыря св. Михаила и русскій священникъ причастилъ ее Св. Тайнъ, чего она прежде не желала.

19 числа, лишенную уже совсѣмъ дара слова, ее соборовали. Она, повидимому, спала, но съ страшнымъ внутреннимъ стономъ, почти до 9 часовъ вечера, когда опять начались сильныя эпилептическіе припадки и сильный бредъ съ порывистыми движеніями всѣхъ членовъ тѣла, такъ что жалко и горестно было смотрѣть. Все это продолжалось непрерывно и 20 числа, до самого того часа, въ которомъ случился съ нею первый припадокъ, и затѣмъ она умерла при сильныхъ внутреннихъ движеніяхъ. Немедленно о ея кончинѣ дали знать гетману, чтобы узнать отъ него, какъ желаетъ онъ ее хоронить.

21 числа утромъ былъ погребенъ въ монастырѣ св. Софіи подполковникъ Петръ Ивановъ; онъ завѣщалъ мнѣ длинное турецкое ружье. Около 11 часовъ до обѣда тѣло супруги боярина, въ сопровожденіи архимандрита и всѣхъ настоятелей, было перенесено въ церковь монастыря св. Михаила. По прибытіи тѣла въ церковь началась литургія. По окончаніи надгробной проповѣди и прочихъ церемоній я, по просьбѣ боярина, который по

болѣзни своей не могъ сопровождать прахъ своей супруги, долженъ былъ объяснить это и, извинивъ его отсутствіе, поблагодарить духовенство. Я эю все исполнилъ рѣчью на латинскомъ языкѣ, на которую кратко отвѣтилъ архимандритъ тихимъ голосомъ, на славянскомъ языкѣ.

Мазепа сказалъ, что гетманъ помнить это священное мѣсто и не преминетъ вознаградить ихъ за труды.

Полагали многіе, что болѣзнь супруги боярина была нѣчто въ родѣ обладанія ею нечистымъ духомъ; другіе же считали это сильнымъ обморочкомъ (*cordiaca*). Если, однако, принять во вниманіе всѣ обстоятельства болѣзни, то должно предположить, по моему мнѣнію, что это былъ родъ необычайной меланхоліи, вызванный *immundetiem et vitium matricis*. Отъ этого произошли запоры и стѣненія. Первый припадокъ имѣлъ характеръ эпилептической, вызвавшей *orpilationem in ventriculis cerebri*, это лишило больную зрѣнія и перешло въ родъ безумія, при чемъ первы и жизненный духъ такъ сильно были напряжены, что подъ конецъ должна была наступить смерть.

Было получено приказаніе отпустить въ Москву два стрѣleckихъ полка и вмѣсто ихъ взять изъ городовъ тысячу чело-вѣкъ и подчинить ихъ мнѣ.

Городовой судья Лабуня, по имени Евстафій Максимовичъ, прибылъ въ Кіевъ и сообщилъ, что польскій сеймъ открылся и большинство сенаторовъ и земскихъ пословъ уже съѣхались; что между королемъ и дворянствомъ не существуетъ такого разногласія, какъ говорили; что на сеймикахъ единогласно рѣшено было назначить необходимыя денежныя средства для продолженія войны съ турками; что полковникъ Ланчинскій съ 12 ротами польской кавалеріи посланъ въ Баръ и Меджибожъ, потому что получено было извѣстіе, что татары должны были сопровождать въ эти мѣста пашу или агу; что польская пѣхота и кавалерія стягиваются у Гришки, въ одной милѣ отъ Лабуня, съ тѣмъ, чтобы, какъ скоро всѣ части ихъ соберутся, выступить съ артиллеріею для нападенія на Баръ и Меджибожъ. Шпіонъ Ивана Филимоновъ Варилонъ возвратился съ извѣстіемъ, что слышалъ въ Немировѣ, что при осадѣ этого города находился сынъ хана съ 7.000 татарами, 500 казаками съ Сулимкою и 500 турокъ, частью пѣшими, частью конными, при которыхъ было 4 пушки изъ Каменца, а также паша или ага; что сотникъ немировскій, по имени Бардей, доставилъ казакамъ письмо короля польскаго, которымъ имъ обѣщалось дать всѣ доходы съ Украины, начиная съ рѣки Слудка, при чемъ Польша

болѣе въ подобныя дѣла вмѣшиваться не будетъ и что казаки были этимъ довольны. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ, что между королемъ и дворянствомъ, особенно литовскимъ, существуютъ большія несогласія; что римскій императоръ весьма недоволенъ послѣднимъ походомъ короля польскаго къ Каменцу; что онъ изыскиваетъ средства доставить корону польскую одному изъ сыновей короля Михаила Висневцакаго, исключивъ отъ наслѣдія престола сына настоящаго короля; что посланники: папскій, римскаго императора, республики Венеціанской, персидскаго шаха и другихъ князей ожидаютъ въ Варшавѣ; что они всѣ совѣтуютъ продолжать войну съ турками и обѣщаютъ содѣйствіе ихъ державамъ въ этомъ дѣлѣ.

Съ этими извѣстіями былъ отправленъ курьеръ въ Москву.

П. М. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

